

движится во веки. Петр, слава наша, которая от конец до конец во всех ушесех слышится. О преславных дел преславнаго императора, многими сей мужественный герой благодеяниями Россию одолжил, за любовь ко благочестию, за любовь к отечеству самого себе не жалел, здравия своего не щадил, претяжкие походы понести не боялся, везде в приступах огненных громов острых мечей, и ядовитых стрел не устращался, всегда сам присутствовал, многия европейския государства проходил, от всех яки пчела с разных цветков к пользе России собирал, воинство российское исправлял, мужественно и искусно показав, изрядныя регулы ко правосудию положил, учениями и различными художествами Россию украсил».²¹

И все же не эти стороны деятельности Петра I вызывают особые симпатии духовенства. Отцы церкви как будто забыли об истинном отношении Петра I к церкви: русский царь, секуляризируя церковь, требовал от духовных пастырей прежде всего учености и образованности. Теперь же, нисколько не смущаясь, церковь возносит Петра I за его якобы ревностное отношение к православной вере. В этой связи представляет интерес уже цитированная проповедь Дмитрия Сеченова, в ней стремление показать в Петре I защитника православия обнажено до предела: «А паче неусыпное его (т. е. Петра I,— В. П.) тщание было о сохранении благочестивыя веры, не малое попечение имел, как бы в духовных сребролюбивый нрав искоренить, расколы упразднить, суеверия отогнать, волшебства вывесть; того ради сам духовное собрание посещати не ленился, ко исправлению благочестия духовных пастырей поощрял. Но сия паче удивительна о благочестии ревность, яко в самой уже тяжкой болезни, в самом последнем издыхании, не инное что приказывал, не о ином чем вселюбезную свою супругу просил, токмо да сохрани благочестие Екатерина, соблюди православную веру».²²

Так в узкосословных целях использовало духовенство авторитет Петра I. И совершенно очевидно, что апелляция духовенства к имени Петра I не имела ничего общего с отношением к деятельности этого великого преобразователя ранних просветителей, для которых он был живым воплощением монарха.

Своеобразие разработки темы Петра I в проповеднической литературе начала царствования Елизаветы, бесспорно, заслуживает внимания, так как дает нам представление об общественной позиции и литературной деятельности определенной части русского общества в 1741—1742 годы.

Бурные политические события жизни России начала 40-х годов XVIII в. нашли широкий литературный отклик. До нас дошло большое количество произведений не только духовных, но и светских, в стихах и в прозе, на русском и иностранных языках, посвященных событиям политической жизни России 1741—1742 годов. Среди них оды М. Ломоносова и В. Тредиаковского, произведения А. Кантемира и А. Сумарокова, Г.-Ф.-В. Юнкера и Я. Штелина, стихотворение М. Собокина и многие-многие другие. Эти произведения, безусловно, неодинаковы по своим идейным и художественным достоинствам, но все они представляют несомненный интерес для истории литературы. Посвященные одному и тому же событию, но написанные представителями различных общественных слоев и определенных поэтических группировок, эти произведения дают возможность воссоздать картину литературной жизни начала 40-х годов XVIII в., расстановку литературных сил.

Лишь на фоне литературной и общественной жизни того времени со всей очевидностью раскрывается превосходство поэзии Ломоносова над его современниками. Перефразируя мысль Радищева, можно сказать: сравни то, что сделано Ломоносовым, и то, что сделано рядом с ним, — величие его поэзии «будет всем внятно».

²¹ Слово в день благовещения пресвятыя богородицы в придворной церкви ея императорского величества благочестивейшия самодержавнейшия великия государыни нашея Елисаветы Первыя императрицы всея России, проповеданное архимандритом Свяяжского богородицкого монастыря Дмитрием Сеченовым в Москве 1742 года марта 25 дня. СПб., 1742, стр. 12—13.

²² Там же, стр. 13.